
УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ МЕРЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ

CRIMINALLY-REMEDIAL MEASURES OF CRIME FIGHTING

УДК 343.1

DOI 10.17150/2500-4255.2017.11(2).388-397

К ВОПРОСУ О ВЕКТОРЕ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Д.А. Степаненко^{1, 2}, Л.И. Лавдаренко³

¹ Восточно-Сибирский филиал Российского государственного университета правосудия,
г. Иркутск, Российская Федерация

² Иркутский национальный исследовательский технический университет, г. Иркутск, Российская Федерация

³ Иркутский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации,
г. Иркутск, Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления
10 июня 2016 г.

Дата принятия в печать
28 апреля 2017 г.

Дата онлайн-размещения
21 июня 2017 г.

Ключевые слова

Уголовное судопроизводство;
система; развитие; сущность; цель;
назначение; состязательность;
принцип объективной истины;
целесообразность; прагматизм;
упрощение; экономия

Аннотация. Цель статьи — рассмотреть такую проблему развития российского уголовного судопроизводства, как попытка законодателя перейти от традиционного (для России) постинквизиционного «смешанного» процесса континентального типа к процессу полностью состязательному.

Отмечается, что уголовное судопроизводство, как и любая система, представляющая собой не случайный набор разрозненных элементов, а объективно обусловленное целостное устойчивое образование, обладает свойством развития, самоорганизации под влиянием внешних и внутренних факторов. Континентальная модель процесса с ее идеями поиска истины и справедливости, принципами всестороннего, полного, объективного исследования обстоятельств дела и неотвратимости уголовной ответственности в аспекте экономической выгоды явно уступает англосаксонской правовой системе, проникнутой прагматизмом и целесообразностью. Именно стремлением к упрощению и удешевлению процесса можно объяснить попытку законодателя перейти от традиционного (для России) постинквизиционного «смешанного» процесса континентального типа к процессу полностью состязательному. По убеждению авторов настоящей статьи, экономические мотивы должны играть свою роль в решении проблем реформирования отечественной системы уголовного судопроизводства, однако они не должны быть ни главными, ни тем более единственными. Выбор будущего российского уголовного судопроизводства необходимо связывать со стратегическим курсом государства в сфере борьбы с преступностью. Воплощая в себе многовековой отечественный и зарубежный опыт борьбы с преступностью, уголовное судопроизводство должно осуществляться выработанными наукой и практикой наиболее эффективными и вместе с тем демократическими и гуманными средствами и способами установления действительных обстоятельств дела и наказания виновных. При этом следует принимать во внимание историческую приверженность континентальной (романо-германской) традиции и наличие сложившейся процессуальной инфраструктуры европейского (континентального) типа.

TO THE ISSUE OF DIRECTION FOR THE DEVELOPMENT OF RUSSIAN CRIMINAL PROCEDURE

Diana A. Stepanenko^{1, 2}, Lyudmila I. Lavdarenko³

¹ East-Siberian Branch of Russian State University of Justice, Irkutsk, the Russian Federation

² Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, the Russian Federation

³ Irkutsk Law Institute affiliated to the Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation,
Irkutsk, the Russian Federation

Article info

Received
2016 June 10

Accepted
2017 April 28

Available online
2017 June 21

Abstract. The goal of the paper is to examine the issue of the development of Russian criminal procedure as the lawmakers attempt to move from the traditional (for Russia) post-inquisitorial «mixed» procedure of the continental type to a fully adversarial procedure.

The authors note that criminal procedure, like any system, is not an accidental collection of separate elements, but an objectively determined integral sustainable structure, and it is characterized by development, self-organization under the influence of external and internal factors. The continental model of the procedure with its ideas of search for the

Keywords

Criminal procedure; system; development; essence; goal; purpose; adversary; the principle of objective truth; expediency; pragmatism; simplification; economy

truth and justice, principles of a comprehensive, complete, objective investigation of the circumstances of the case and the inevitability of criminal liability definitely loses to the Anglo-Saxon legal system, permeated with pragmatism and feasibility, in the aspect of economic profit. It is through the desire for simplification and cost-saving that the attempt of lawmakers to move from the traditional (for Russia) post-inquisitorial «mixed» procedure of the continental type to the fully adversarial type can be explained. The authors of this paper are convinced that economic considerations must play their role in solving the problems of reforming Russian system of criminal procedure, however, they must be neither leading, nor, moreover, the only ones. The choice of the future for Russian criminal procedure should be connected with the strategic course of the state in the sphere of fighting crime. Being the embodiment of many centuries of Russian and foreign experience of fighting crime, criminal procedure should use science- and practice-proven, most effective, democratic and humane ways and means of establishing the actual circumstances and punishing the offenders. At the same time, it is necessary to take into account the historical commitment to the continental (Romano-Germanic) tradition and the existing procedural infrastructure of the European (continental) type.

В настоящее время одной из актуальных проблем российского уголовного судопроизводства является отказ от ряда принципов континентального процесса (в первую очередь речь идет об установлении объективной истины), попытка перейти от традиционного (для России) постинквизиционного «смешанного» процесса континентального типа к процессу полностью состязательному, что неоднозначно оценивается научным сообществом. Так, по мнению Л.В. Головки, «любые попытки дальнейшей реализации заложенных в УПК принципов, характерных для одной модели (англо-американской), неизбежно приводят к ломке либо к деформации классических институтов, характерных для другой модели (континентальной). В этом смысле заложенная в УПК «программа» развития направлена не на созидание, а на разрушение, и любые попытки «починки» деформированных уголовно-процессуальных механизмов немедленно сталкиваются с концептуальным несоответствием объявленным уголовно-процессуальным принципам» [1, с. 76].

Очевидно, что уголовное судопроизводство, как и любая система, представляющая собой не случайный набор разрозненных элементов, а объективно обусловленное целостное устойчивое образование, обладает свойством развития, самоорганизации под влиянием внешних и внутренних факторов. Отсутствие развития ведет к регрессу системы, невозможности ее эффективного функционирования. Развитие может быть не только положительным, но и отрицательным, когда элементы утрачивают свойство согласованности и в системе возникают противоречия, что также может приводить к регрессу системы, а это, в свою очередь, — к замене всей системы. Здесь необходимо заметить, что оценке — положительной или отрицательной — подлежат

процессы внутри системы, позволяющие ей эффективно либо неэффективно функционировать, сама же система, как целостное образование, может оцениваться в аспекте ее реальных цели и задач, обуславливающих ее единство и качество. С научных позиций систему можно определить как совокупность взаимосвязанных элементов или частей, образующих единое целое, направленное на достижение единой цели. Цель выступает системообразующим фактором деятельности и неотъемлемым качеством деятельности, так как организует ее [2, с. 49]. В общей теории права отмечается, что у всякой целенаправленной системы на одном уровне может быть только одна специфическая цель. Если целей несколько и они действительно разные, то в какой-либо ситуации они неизбежно войдут в противоречие друг с другом, в результате чего целеустремленная система окажется в положении буриданова осла [3, с. 11]. Исходя из изложенного можно согласиться с тем, что для достижения конечного результата системной деятельности, к числу которой относится уголовный процесс, необходимо ставить не множество, а одну-единственную цель [4, с. 125].

Именно вопрос о сущности и цели процесса является камнем преткновения в решении проблемы развития отечественного процесса. Лишь ответив на этот вопрос, можно, как справедливо замечает А.И. Александров, пытаться найти ответы на все другие частные, локальные вопросы [5, с. 14].

В российской процессуальной теории о сущности и цели уголовного судопроизводства задумались в период судебной реформы XIX в. Ученые-правоведы, а также чиновники, имевшие отношение к правоприменительной деятельности (генерал-прокурор Российской империи

Н.В. Муравьев, министры юстиции В.Н. Панин и следующий за ним — И.Г. Щегловитов, государственный секретарь С.И. Зарудный, «отец» судебной реформы), в понимании сущности уголовного процесса (уголовного судопроизводства) были едины: если уголовное право — право на наказание, то это право наказывать осуществляется через уголовное судопроизводство [6, с. 7–9]. Известный русский ученый-процессуалист И.Я. Фойницкий в своей фундаментальной работе, посвященной уголовному судопроизводству, писал: «Уголовное право имеет объектом личную виновность и наказуемость, уголовный процесс — установление права государства на наказание. Право наказания создает для государства право на деятельность, имеющую задачей осуществление карательной власти в каждом отдельном случае. Каждый такой отдельный случай, рассматриваемый в видах осуществления права наказания, образует уголовное дело (*causa criminalis*), а установленный для рассмотрения таких дел порядок разбора называется уголовным процессом или уголовным судопроизводством. Власть производства уголовных дел для наказания виновных есть уголовно-судная власть, или уголовное судопроизводство в субъективном смысле (*ordo iudiciorum publicorum*). Система правил, которыми определяется такое производство, образует судебноуголовное право, или уголовное судопроизводство в объективном смысле» [7, с. 3]. Понимание уголовного процесса как механизма, посредством которого возможно применение уголовного закона страны, позволяло говорить о цели деятельности следователя и суда — правильном применении уголовного закона: «или, открыв преступление и преступника и наказав сообразно его вине, удовлетворить чрез это требованию правды, или, открыв невиновность подсудимого, поставить его под защиту правды и справедливости» [8, с. 42], что связывалось с принципом «в каждом деле раскрытия объективной, материальной истины» [9, с. 29–30].

В советское время идея о праве государства на наказание через уголовный процесс получила развитие [10, с. 21], процесс стал рассматриваться не только как право государства на наказание, но и как его обязанность. Так, по мысли Э.Ф. Куцовой, «наличие у государства права на наказание виновных в совершении преступлений обусловлено его обязанностью, имеющей в России конституционное значение: обязанностью признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина (ст. 2 Конституции РФ), а равно защи-

щать иные ценности, признанные Конституцией РФ, гарантом которых является государство... Уголовный процесс — путь применения уголовного законодательства страны» [11, с. 290–291]. Советский законодатель, закрепив в качестве задач уголовного судопроизводства «быстрое и полное раскрытие преступлений, избличение виновных и обеспечение правильного применения закона с тем, чтобы каждый совершивший преступление был подвергнут справедливому наказанию и ни один невиновный не был привлечен к уголовной ответственности и осужден» (ч. 1 ст. 2 УПК РСФСР 1960 г.), заявил о направленности уголовного процесса на реализацию материального права (правильное применение закона) и установил принципы объективной (материальной) истины и неотвратимости уголовной ответственности.

В последующем при разработке действующего УПК РФ произошел отказ от определения прежних цели и задач уголовного процесса, и вместо термина «задачи» в текст закона был введен термин «назначение уголовного судопроизводства», что вызвало неоднозначные суждения среди процессуалистов. Одни авторы подвергли критике такую замену, усмотрев в ней стремление разработчиков кодекса радикально перестроить уголовный процесс из следственно-розыскного в состязательный [4, с. 123–125; 12, с. 64; 13, с. 95; 14, с. 30], другие, напротив, ее поддержали, утверждая, что «в результате на первый план вышло определение роли уголовного судопроизводства в государственно-властном механизме» [15, с. 114]. Если исходить из значений слов «цель» и «назначение» (цель как внутренний ориентир, на который направлены все усилия субъекта, осуществляющего данную деятельность, а назначение — внешняя оценка объекта, определение его полезности для человека и общества), то можно согласиться, что, формулируя назначение уголовного судопроизводства, законодатель выводит его за рамки уголовного процесса, заявляет о его социальной значимости [4, с. 123–124]. Социальная значимость (ценность) включает позитивные политические, социально-психологические, нравственно-этические и другие аспекты, среди которых главным является объективная необходимость. Только наличие объективной необходимости позволяет разрешить проблему ценности. Уголовный процесс учреждается для защиты выработанных обществом нормативов поведения, служащих универсальным средством общественного бытия, защиты личности и общества от опасных и

вредных для них социальных проявлений — преступных посягательств. По поводу социального назначения уголовного судопроизводства считаем ошибочным представление о нем как о споре между государством и лицом, привлекаемым к уголовной ответственности, когда уголовное судопроизводство понимается «как щит от уголовной репрессии» [16, с. 27–29], т.е. противопоставляется уголовному праву. Следует признать, что уголовный процесс является механизмом уголовно-правовой политики государства, он задается уголовным правом и его сущность заключается в активном реагировании на совершенное преступление [13, с. 108–109; 17, с. 84], т.е. в официальной деятельности по расследованию и разрешению уголовных дел. Воплощая в себе многовековой отечественный и зарубежный опыт борьбы с преступностью, он должен осуществляться выработанными наукой и практикой наиболее эффективными и вместе с тем демократическими и гуманными средствами и способами установления действительных обстоятельств дела и наказания виновных [18, с. 116]. В связи с этим основной проблемой уголовно-процессуальной политики был и остается поиск баланса между конкурирующими началами: с одной стороны, противодействием преступности, когда во главу угла ставится защита общества и его членов от преступлений, допускающая ограничение индивидуальных прав и свобод (модель «контроля над преступностью»), и, с другой стороны, обеспечением надлежащих гарантий лицу, защищающемуся от уголовного преследования (модель «надлежащей правовой процедуры») [19, р. 1].

Идея о том, что изобличение виновного в совершении преступления не может достигаться любой ценой, издавна признавалась российскими правоведами. Так, в одном из первых практических пособий по ведению уголовных дел говорилось: «Если я хочу, чтоб преступление было обнаружено и получило должное возмездие, то еще больше желаю, чтобы невинность находила в том же самом законе и суде все средства к своему оправданию», а также что «лучше 10 виновных простить, нежели одного невинного наказать», и формулировалось положение о предоставлении подсудимому всех средств к его оправданию [6, с. 7]. В российской юридической литературе XIX в. обращалось внимание на то, что «в общегосударственных интересах, требующих не осуждения обвиняемого во что бы то ни стало, а правильного приложения закона путем полного раскрытия истины;

наказание невинных вредит государству еще более, чем оправдание виновных» [7, с. 32]. Вывод о том, какие начала стремились заложить при формировании отечественного уголовного процесса его разработчики, можно сделать исходя из указа Правительствующему сенату, подписанного императором Александром II в связи с утверждением судебных уставов, — защита прав и законных интересов личности («суд скорый, правый, милостивый и равный для всех подданных») и соответствующих интересов общества («общественное благосостояние») и государства («уважение к закону всех и каждого»).

На первоначальном этапе советского строительства гуманистическая идея «милостивого» суда государственной властью стала игнорироваться, уголовное судопроизводство рассматривалось как орудие репрессии к антигосударственным элементам, способом расправы над ними [20], попиралось достоинство личности, процессуальные гарантии прав личности назывались фиговым листом классовой юстиции [21, с. 120], обосновывалась возможность репрессий без установления виновности, применение аналогии; вместо установления объективной истины предлагалось руководствоваться субъективным убеждением следователя, прокурора, судьи, их усмотрением [22, с. 15]. В законодательстве идея надлежащей правовой процедуры уступает принципам целесообразности и процессуальной экономии: УПК РСФСР 1923 г. включает нормы, упрощающие и ускоряющие процесс, но не гарантирующие установление истины, а также соблюдение прав граждан, привлекаемых к уголовной ответственности. Так, предусматривалось заочное производство, рассмотрение дел в дежурных камерах народного суда, разрешение дел в порядке судебного приказа, т.е. без проведения разбирательства в судебном заседании; областной суд мог не допустить участие в судебном разбирательстве обвинителя и защитника, не вызывать в судебное заседание свидетелей, показания которых в стадии предварительного расследования не вызывают сомнений в их достоверности, прекратить допрос вызванных свидетелей, учитывать при вынесении приговора те имеющиеся в деле документы и показания, которые в судебном заседании не оглашались, устранять прения сторон (ст. 381, 391, 394, 396, 397 УПК РСФСР 1923 г.) [23, с. 27–28].

К середине 50-х гг. прошлого века в результате развития уголовно-процессуального законодательства в сторону демократизации и усиления

в нем правозащитной составляющей перечисленные негативные явления были преодолены. УПК РСФСР 1960 г., сохраняя традиционную для нашей страны модель следственно-розыскного процесса, создавал условия, обеспечивающие всесторонность, полноту и объективность исследования обстоятельств дела, возможности для вынесения законного, обоснованного и справедливого судебного решения. Вместе с тем его направленность на борьбу с преступностью доминировала, отодвигая на второй план права личности, привлекаемой к уголовной ответственности. Однако, учитывая имеющийся потенциал и исторический опыт развития отечественной уголовно-процессуальной системы, ничто не мешало без кардинальных преобразований, безболезненно решить проблему дисбаланса между публичными и частными интересами в законодательстве и правоприменительной практике. Как известно, этого не случилось в силу происшедших в нашей стране в 1990-е гг. изменений в экономической жизни (легализация частной собственности, законодательное закрепление свободы предпринимательства), которые привели к смене официально декларируемой системы ценностей: на государственном уровне уже частные интересы получили явный приоритет над общественными, что вновь привело к дисбалансу в соотношении «контроля над преступностью» и «надлежащей правовой процедуры» в пользу последней. Принятый в 2001 г. УПК РФ, в отличие от уголовно-процессуальных кодексов советского периода, явился продуктом новой, либеральной идеологии. В соответствии с ней «оправданы приспособления публично-уголовно-процессуального права к решению сверхзадачи — защиты прав и свобод человека и гражданина — в той мере, в какой они адекватны существующим социально-экономическим и прочим внешним условиям. Усиление экономической самостоятельности индивидов на базе института частной собственности, образование среднего класса объективно приводят к формированию запроса на реформу уголовно-процессуального права в том направлении, которое выгодно этому системообразующему слою общества» [24]. В аспекте экономической выгоды континентальная модель процесса с ее идеями поиска истины и справедливости, принципами всестороннего, полного, объективного исследования обстоятельств дела и неотвратимости уголовной ответственности явно уступает англосаксонской правовой системе, проникнутой

прагматизмом и целесообразностью. Именно стремлением к упрощению и удешевлению процесса можно объяснить попытку перейти от традиционного (для России) постинквизиционного «смешанного» процесса континентального типа к процессу полностью состязательному. Прежняя правовая система была объявлена несостоятельной, порочной, не соответствующей новым задачам общественного развития и государственного строительства, в качестве образца предложена естественно-правовая концепция свободы, сложившаяся в рамках западного мышления и ставшая основой либерального мировоззрения. Ее постулатом явилось утверждение «разрешено все, что не запрещено законом». В соответствии с этой концепцией личные права человека выше государства и государство не может вмешиваться в порядок их осуществления. Свобода личности означает такой государственный правовой порядок, в котором приоритет приобретает идея ограничения власти государства в системе государственно-правовых институтов. Преступность рассматривается как явление неконтролируемое, процессуальное право — как «формальности», дающие преступникам возможность нарушать закон без страха перед наказанием, и «единственное, что сдерживает создание полицейского государства, призрака более опасного, нежели преступность» [25, с. 51–52]. Данная концепция предполагает вместо активной роли государства социальный контроль (контроль гражданского общества) [26, р. 526], положительную саморегуляцию и самоограничение индивида, развитие дисциплинированности и личной ответственности за свои поступки. Вместе с тем в основанном на данной концепции процессе «по-англо-американски» всемерная защита прав лица, привлекаемого к уголовной ответственности, — не более чем декларация [27, с. 89]. В такой системе нет и не может быть никакого равенства, главное в ней — право на состязание, где побеждает сильнейший. Если спора нет и обвиняемый признал вину, то доказательства вообще не нужны, презумпция невиновности отсутствует: обвинение презюмирует обвиняемого виновным и старается обосновать это «вне разумных сомнений» [28, р. 329–330]. Задача государства — быть жестким в преследовании тех, кто попал под подозрение, в предоставленных законом пределах и с правом свободно оценивать целесообразность такого преследования, что находит обоснование у сторонников состязательного процесса [29].

По прошествии 20 лет с начала кардинальных преобразований в нашей стране государственно-правовых институтов в сфере борьбы с преступностью, их идеологической «американизации» выяснилось: под флагом деполитизации была разрушена система социальной и криминологической профилактики и правового воспитания населения, получившая признание мирового сообщества [30, с. 9], предпринимаемые правоохранительными органами меры по противодействию преступности оказываются неэффективными. По мысли В.В. Лунеева, противопоставление свободы и порядка (имеется в виду активное противодействие преступности) было в высшей степени неверным [31, с. 54]. Авторитетный ученый отмечает, что в настоящее время отсутствует понимание «реального обобщенного объема преступности; мы не знаем ее полных социальных и экономических последствий; мы не знаем действительной эффективности борьбы с преступностью; мы не знаем, во что она в целом обходится нашему народу; мы не имеем сколько-нибудь адекватного прогноза ее возможного развития на основе интенсивных изменений в мире и в стране» [там же]. В.В. Лунеев обращает внимание на то, что ежегодно в России в правоохранительные органы поступает около 24–25 млн заявлений и сообщений о совершенном преступлении, тогда как возбуждается уголовных дел значительно меньше: так, в 2013 г. было возбуждено всего 1 761 545 уголовных дел, т.е. лишь 6,2 % от общего числа заявлений и сообщений [32, с. 32], реальную меру уголовного наказания несут 4–5 % реальных преступников, остальные 95 % остаются «в ежегодном море безнаказанности, которая является самой серьезной причиной новых преступлений» [31, с. 58], «сотни тысяч убийц живут среди нас», избежав уголовной ответственности [32, с. 28].

О том, что сложившаяся организация деятельности органов предварительного расследования по выявлению и расследованию преступлений неэффективна, свидетельствует следующее: согласно статистическим данным об основных показателях деятельности органов прокуратуры Российской Федерации, за январь — декабрь 2015 г. зарегистрировано 2 352 098 преступлений, при этом отменено прокурором постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела 2 516 501, за январь — декабрь 2016 г. зарегистрировано 2 130 613 преступлений, а отменено прокурором постановлений об отказе в возбуждении уголов-

ного дела 2 494 172¹, т.е. усилия органов предварительного расследования направлены не на немедленное реагирование в виде расследования на поступившую информацию о преступлении, а на так называемую доследственную проверку, которая в большинстве случаев безрезультативна. О низкой эффективности выявления и расследования неочевидных преступлений, в том числе тяжких, установления всех лиц, виновных в их совершении, говорят следующие статистические данные: в 2015 г. отменено прокурором постановлений о приостановлении предварительного расследования 443 674 — 19 % от общего числа зарегистрированных преступлений; в 2016 г. отменено прокурором аналогичных постановлений 453 260 — 21 % от общего числа зарегистрированных преступлений².

Среди причин низкой эффективности выявления и расследования неочевидных преступлений можно назвать исключение из уголовно-процессуального закона задачи, которая ранее устанавливалась в УПК РСФСР 1960 г.: обеспечение принципа неотвратимости уголовной ответственности (чтобы «каждый совершивший преступление был подвергнут справедливому наказанию» — ст. 2) путем возбуждения уголовного дела и раскрытия преступления в каждом случае обнаружения признаков преступления, принятия всех предусмотренных законом мер к установлению события преступления, лиц, виновных в совершении преступления, и к их наказанию (ст. 3 «Обязанность возбуждения уголовного дела и раскрытия преступления»). Исключение такой задачи привело к тому, что следователю «можно не перетруждаться, а расследовать и вменять лишь то, что является явным и очевидным. Многочисленные эпизоды преступной деятельности стали поспешно «отсекаться», а квалификация преступлений занижаться» [33, с. 196]. Основной же причиной рассматриваемой проблемы выступает сложившаяся на практике оценка результатов деятельности органов расследования. Так, безусловно отрицательным показателем служебной деятельности следователя будет оправдательный приговор, вынесенный по расследуемому им делу. Поэтому следователь, как правило, не рискнет направить дело с обвинительным заключением в суд, если есть хотя бы минимальная вероятность вынесения такого приговора. Ему лучше «перестраховаться» и не вменять состава, если возникают сомнения,

¹ Правовой портал статистики / Генер. прокуратура Рос. Федерации. URL: http://crimestat.ru/offenses_chart.

² Там же.

«устоят» ли в суде собранные им доказательства. Вследствие этого многие преступления, совершенные в составе организованных преступных групп, имеющих возможность привлекать на свою сторону высококвалифицированных адвокатов, не выявляются, а лица, их совершившие, не привлекаются к уголовной ответственности.

Среди других проблем в сфере противодействия преступности российскими правоведами называются «противоречивость и непоследовательность в определении оснований уголовной ответственности, отсутствие четких критериев разграничения преступлений и иных правонарушений; одновременная пробельность и избыточность криминализации деяний, отсутствие явных приоритетов уголовно-правовой охраны... несогласованность положений о неотвратимости и целесообразности уголовного преследования и уголовной ответственности» [34, с. 138].

При избыточности криминализации деяний и отсутствии четких критериев отграничения преступлений от иных правонарушений процессуальная деятельность получила обвинительную направленность (обвинительный уклон): вместо полного, всестороннего и объективного исследования обстоятельств дела — уголовное преследование, которое из-за сложившейся оценки деятельности органов расследования фактически исключает прекращение уголовных дел и освобождение от уголовной ответственности в досудебном производстве и, как правило, должно завершаться обвинительным приговором. В итоге имеет место неоправданно широкая уголовная репрессия, когда многим гражданам наносится правовой и социальный урон в виде судимости за незначительные с точки зрения общественной опасности деяния. Эта проблема усугубляется постепенным вытеснением традиционного правосудия упрощенной процедурой постановления приговоров в «особом порядке» — без полноценного судебного следствия и возможности устранения допущенных органами предварительного расследования ошибок, когда значительно усечены гарантии постановления справедливого приговора (согласно отчету о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции, за 2016 г. в Иркутской области из общего количества рассмотренных уголовных дел — 12 579 в особом порядке было рассмотрено 8 431³, т.е. 67 %). Необходимо заметить, что

³ Управление судебного департамента в Иркутской области. URL: <http://usd.irk.sudrf.ru/modules.php?name=stat&id=66>.

и в нравственном отношении — с точки зрения социального одобрения — является сомнительной попытка обеспечения компромисса в сфере борьбы с преступностью посредством «делок с правосудием».

Безусловно, в решении проблемы развития отечественной уголовно-процессуальной системы необходим рационалистический подход в контексте целесообразности и практической пользы; при расследовании и разрешении уголовных дел требуют реализации идеи процессуальной экономии, сокращения временных, финансовых, технологических и иных затрат как идеи экономии усилий общества и государства по противодействию преступности в условиях ограниченности ресурсов. Между тем экономические мотивы, связанные с вопросами «цены преступности» и «цены деятельности государственных органов в сфере противодействия преступности», играя свою роль в решении проблемы развития отечественной системы уголовного судопроизводства, не должны быть ни главными, ни тем более единственными. Главным должен являться мотив разработки такой модели процесса, которая бы эффективно обеспечивала надежную защиту прав личности, общества и государства от преступных посягательств и их последствий при соблюдении международных стандартов в области прав человека.

Разделяем позицию, согласно которой модернизация уголовного судопроизводства, его выход на качественно новую ступень исторического развития должны связываться с внятной концепцией, разработанной с учетом традиций национальной правовой системы, в рамках исторически сложившейся смешанной модели процесса [35, с. 72], а не представлять собой неоправданное, без достаточных методологических обоснований насаждение чуждых технологий, несовместимых с представлениями общества о справедливом правосудии. Многие исследователи правомерно говорят о том, что можно по-разному оценивать уголовный процесс России, но необходимо признавать его объективную природу, что он — продукт ее непростого исторического развития. Россияне видят в уголовном процессе инструмент «поддержания законности и правопорядка в государстве и обществе» [36, с. 5], а не поле для состязания сторон. В основу модели отечественного уголовного процесса заложено отношение государства к преступлению как к публичной проблеме, обуславливающей его активность в иницировании уголовного производства и его

обязанность обеспечивать законность уголовного судопроизводства при применении норм материального права, обязанность доказывать виновность каждого обвиняемого в совершении преступления в соответствии с положениями ст. 49 Конституции Российской Федерации о принципе презумпции невиновности. Экономия материальных и процессуальных ресурсов должна осуществляться путем внедрения технологий, апробированных в странах романо-германской правовой системы и в отечественном процессе (в частности, производство в протокольной форме), при условии что они согласуются с принципом установления объективной истины.

В целом же необходимо исключить разбалансировку сложившейся уголовно-процессуальной формы, «которую обыкновенно понимают как детерминированную национальной культурой систему логически связанных, внутренне структурированных и последовательно расположенных между собой стадий уголовного процесса, а так-

же специфических процессуальных технологий, в рамках которых осуществляют свою деятельность участники уголовного судопроизводства для достижения его назначения» [37, с. 18].

Таким образом, выбор будущего российского уголовного судопроизводства не может быть произвольным, он должен связываться со стратегическим курсом государства в сфере борьбы с преступностью. Воплощая в себе многовековой отечественный и зарубежный опыт борьбы с преступностью, уголовное судопроизводство должно осуществляться выработанными наукой и практикой наиболее эффективными и вместе с тем демократическими и гуманными средствами и способами установления действительных обстоятельств дела и наказания виновных. При этом необходимо принимать во внимание историческую приверженность континентальной (романо-германской) традиции и наличие сложившейся процессуальной инфраструктуры европейского (континентального) типа.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Головки Л.В. О проблемах российского уголовного процесса / Л.В. Головки // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. — 2014. — № 1. — С. 75–80.
2. Фролов Ю.А. Система уголовного судопроизводства: история и современные тенденции : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Ю.А. Фролов. — Ростов н/Д., 2006. — 371 с.
3. Керимов Д.А. Психология и право / Д.А. Керимов // Государство и право. — 1992. — № 12. — С. 10–20.
4. Азаренок Н.В. Программа уголовного судопроизводства: цель, задачи и условия деятельности / Н.В. Азаренок, А.А. Давлетов // Известия вузов. Правоведение. — 2007. — № 2. — С. 123–134.
5. Александров А.И. О задачах и принципах отечественного уголовного процесса: в поисках утраченного / А.И. Александров // Известия вузов. Правоведение. — 2008. — № 3. — С. 14–21.
6. Александров А.И. Назначение уголовного судопроизводства и наказания / А.И. Александров, И.А. Александров, И.В. Круглов. — Н. Новгород : Нижегород. правовая акад., 2006. — 111 с.
7. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства : в 2 т. / И.Я. Фойницкий. — СПб. : Альфа, 1996. — Т. 1. — 552 с.
8. Баршев Я.И. Основания уголовного судопроизводства с применением к российскому уголовному судопроизводству / Я.И. Баршев. — СПб., 1841. — 385 с.
9. Познышев С.В. Элементарный учебник русского уголовного процесса / С.В. Познышев. — М. : Г.А. Леман, 1913. — 337 с.
10. Полянский Н.Н. Цель уголовного процесса / Н.Н. Полянский. — Ярославль : Тип. Яросл. кредит. союза кооперативов, 1919. — 36 с.
11. Ученые-юристы МГУ о современном праве / под ред. М.К. Треушников. — М. : Городец, 2005. — 464 с.
12. Азаров В.А. Реформа отечественного уголовного судопроизводства: оценка отдельных результатов / В.А. Азаров // Реформы в России: история и современность : материалы Междунар. науч. интернет-конф. / отв. ред. М.П. Клейменов. — Омск : Изд-во Ом. гос. ун-та, 2004. — С. 64–65.
13. Барабаш А.С. Природа российского уголовного процесса, цели уголовно-процессуальной деятельности и их установление / А.С. Барабаш. — СПб. : Юрид. центр Пресс, 2005. — 257 с.
14. Зажицкий В.И. О направлениях совершенствования Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации / В.И. Зажицкий // Государство и право. — 2004. — № 4. — С. 28–35.
15. Михайловская И.Б. Социальное назначение в уголовной юстиции и цель уголовного процесса / И.Б. Михайловская // Государство и право. — 2005. — № 5. — С. 111–118.
16. Михайловская И.Б. Цели, функции и принципы российского уголовного судопроизводства (уголовно-процессуальная форма) / И.Б. Михайловская. — М. : Проспект : ТК Велби, 2003. — 144 с.
17. Стойко Н.Г. Новое уголовно-процессуальное право России и проект Уголовно-процессуального кодекса РФ / Н.Г. Стойко // Российский бюллетень по правам человека. — 2000. — Вып. 13. — С. 84–88.
18. Григорьев В.Н. Фемида в поисках удобной формы (о некоторых современных тенденциях в развитии уголовно-процессуальной формы) / В.Н. Григорьев // Актуальные проблемы российского права. — 2015. — № 12. — С. 116–122.
19. Packer H.L. Two Models of the Criminal Process / H.L. Packer // University of Pennsylvania Law Review. — 1964. — Vol. 113, № 1. — P. 1–68.
20. Луначарский А.В. Революция и суд / А.В. Луначарский // Правда. — 1917. — 1 дек.
21. Стучка П.И. Тезисы о реформе УПК / П.И. Стучка // Революция права. — 1928. — № 1. — С. 120–125.

22. Крыленко Н.В. Судостроительство РСФСР (лекции по теории и истории судостроительства) / Н.В. Крыленко. — М. : Юрид. изд-во, 1923. — 416 с.
23. Стецовский Ю.И. Судебная власть : учеб. пособие / Ю.И. Стецовский. — М. : Дело, 1999. — 400 с.
24. Зайцев О.А. Конвергенция частного и публичного права и ее проявление в уголовном судопроизводстве [Электронный ресурс] / О.А. Зайцев, Г.В. Абшилава // Пятый Пермский конгресс ученых-юристов (г. Пермь, 24–25 окт. 2014 г.) : избр. материалы / отв. ред. В.Г. Голубцов, О.А. Кузнецова. — М. : Статут, 2015. — С. 350–360.
25. Криминология : пер. с англ. / под ред. Дж.Ф. Шели. — СПб. : Питер, 2003. — 864 с.
26. Hawdon J. Social Capital, Social Control, and Changes in victimization rates / J. Hawdon, J. Ryan // *Crime and Delinquency*. — 2009. — Vol. 55, No 4. — P. 526–549.
27. Гуценко К.Ф. Уголовный процесс западных государств / К.Ф. Гуценко, Л.В. Головкин, Б.А. Филимонов. — М. : Зерцало-М, 2001. — 480 с.
28. Inchauspe D. L'innocence judiciaire / D. Inchauspe. — Paris : PUF, 2012. — 467 p.
29. Kitai R. Presuming innocence / R. Kitai // *Oklahoma Law Review*. — 2002. — Vol. 55, No 2. — P. 280–284.
30. Сухарев А.Я. Права человека и правозащитная деятельность (к 40-летию НИИ Генеральной прокуратуры) / А.Я. Сухарев // Права человека в России и правозащитная деятельность государства (к 40-летию НИИ Генеральной прокуратуры) : материалы Всерос. науч.-практ. конф., 12 мая 2003 г. / под ред. В.И. Лопатина. — СПб. : Юрид. центр Пресс, 2003. — С. 7–12.
31. Лунеев В.В. Проблемы российского уголовно-правового законодательства (ч. 1) / В.В. Лунеев // *Криминология: вчера, сегодня, завтра*. — 2013. — № 2. — С. 48–59.
32. Лунеев В.В. Теории права и криминальные реалии / В.В. Лунеев // *Криминология: вчера, сегодня, завтра*. — 2015. — № 1. — С. 26–35.
33. Синельщиков Ю.П. УПК РФ — первые итоги применения и защиты прав человека в Москве / Ю.П. Синельщиков // Права человека и правозащитная деятельность государства (к 40-летию НИИ Генеральной прокуратуры) : материалы Всерос. науч.-практ. конф., 12 мая 2003 г. / под ред. В.И. Лопатина. — СПб. : Юрид. центр Пресс, 2003. — С. 196–200.
34. Коробеев А.И. Уголовная политика современной России: состояние и перспективы / А.И. Коробеев // *Вестник Нижегородской академии МВД России*. — 2016. — № 3. — С. 138–148.
35. Мельников Е.А. Основные проблемы в сфере уголовной политики / Е.А. Мельников // *Закон*. — 2015. — № 8. — С. 72–80.
36. Гуляев А.П. Цели, задачи и принципы как фундаментальные положения уголовно-процессуального права: по закону, теории и практике / А.П. Гуляев // *Российский следователь*. — 2012. — № 16. — С. 5–18.
37. Бажанов С.В. Стоимость уголовного процесса / С.В. Бажанов // *Российский следователь*. — 2012. — № 9. — С. 16–19.

REFERENCES

1. Golovko L.V. On the problems of Russian criminal process. *Vestnik yuridicheskogo fakul'teta Yuzhnogo federal'nogo universiteta = Vestnik of the Law Faculty of Southern Federal University*, 2014, no. 1, pp. 75–80. (In Russian).
2. Frolov Yu.A. *Sistema ugolovnogo sudoproizvodstva: istoriya i sovremennye tendentsii. Dokt. Diss.* [A system of criminal court procedure: history and modern trends. Doct. Diss.]. Rostov-on-Don, 2006. 371 p.
3. Kerimov D.A. Psychology and law. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 1992, no. 12, pp. 10–20. (In Russian).
4. Azarenok N.V., Davletov A.A. The program of criminal court procedure: goal, tasks and conditions of work. *Izvestiya vuzov. Pravovedenie = Bulletin of Higher Educational Establishments. Jurisprudence*, 2007, no. 2, pp. 123–134. (In Russian).
5. Aleksandrov A.I. On the tasks and principles of Russian criminal process: in search for the lost things. *Izvestiya vuzov. Pravovedenie = Bulletin of Higher Educational Establishments. Jurisprudence*, 2008, no. 3, pp. 14–21. (In Russian).
6. Aleksandrov A.S., Aleksandrov I.A., Kruglov I.V. *Naznachenie ugolovnogo sudoproizvodstva i nakazaniya* [The Purpose of Criminal Court Procedure and Punishment]. Nizhny Novgorod Law Academy Publ., 2006. 111 p.
7. Foinitskii I.Ya. *Kurs ugolovnogo sudoproizvodstva* [A Course in Criminal Court Procedure]. Saint Petersburg, Al'fa Publ., 1996. Vol. 1. 552 p.
8. Barshev Ya.I. *Osnovaniya ugolovnogo sudoproizvodstva s primeneniem k rossiiskomu ugolovnomu sudoproizvodstvu* [Basics of Criminal Court Procedure, Applied to Russian Criminal Court Procedure]. Saint Petersburg, 1841. 385 p.
9. Poznyshchev S.V. *Elementarnyi uchebnyy kurs russkogo ugolovnogo protsesssa* [An Elementary Textbook of Russian Criminal Process]. Moscow, G.A. Leman Publ., 1913. 337 p.
10. Polyanskii N.N. *Tsel' ugolovnogo protsesssa* [The Goal of Criminal Process]. Yaroslavl Credit Union of Cooperatives Publ., 1919. 36 p.
11. Treushnikov M.K. (ed.). *Uchenye-yuristy MGU o sovremennom prave* [Legal Scholars of Moscow State University on Modern Law]. Moscow, Gorodets Publ., 2005. 464 p.
12. Azarov V.A. Reforms of Russian criminal court procedure: assessment of some results. In Kleimenov M.P. (ed.). *Reformy v Rossii: istoriya i sovremennost'. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi Internet-konferentsii* [Reforms in Russia: History and Today. Materials of International Research Online Conference]. Omsk State University Publ., 2004, pp. 64–65. (In Russian).
13. Barabash A.S. *Priroda rossiiskogo ugolovnogo protsesssa, tseli ugolovno-protsessual'noi deyatel'nosti i ikh ustanovlenie* [The Nature of Russian Criminal Process, the Goals of Criminal Procedural Activities and Setting them]. Saint Petersburg, Yuridicheskii tsentr Press Publ., 2005. 257 p.
14. Zazhitskii V.I. On the ways of improving the Criminal Procedural Code of the Russian Federation. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2004, no. 4, pp. 28–35. (In Russian).
15. Mikhailovskaya I.B. Social purpose in criminal justice and the goal of criminal process. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2005, no. 5, pp. 111–118. (In Russian).
16. Mikhailovskaya I.B. *Tseli, funktsii i printsipy rossiiskogo ugolovnogo sudoproizvodstva (ugolovno-protsessual'naya forma)* [The Goals, Functions and Principles of Russian Criminal Court Procedures (the Criminal-Procedural Form)]. Moscow, Prospekt Publ., 2003. 144 p.

17. Stoiko N.G. New criminal procedural law of Russia and the project of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation. *Rossiiskii Byulleten' po pravam cheloveka = Russian Bulletin of Human Rights*, 2000, iss. 13, pp. 84–88. (In Russian).
18. Grigor'ev V.N. Themis in search for a suitable form (on some modern trends in the development of criminal procedure form). *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava = Topical Problems of Russian Law*, 2015, no. 12, pp. 116–122. (In Russian).
19. Packer H.L. Two models of the criminal process. *University of Pennsylvania Law Review*, 1964, vol. 113, no. 1, pp. 1–68.
20. Lunacharskii A.V. Revolution and the court. *Pravda*, 1917, December 1. (In Russian).
21. Stuchka P.I. Theses on the reform of the Criminal Procedure Code. *Revolutsiya prava = The Revolution of Law*, 1928, no. 1, pp. 120–125. (In Russian).
22. Krylenko N.V. *Sudoustroistvo RSFSR (leksii po teorii i istorii sudoustroistva)* [Court Procedures in the Russian Soviet Federative Socialist Republic (lectures on the theory and history of court procedures)]. Moscow, Yuridicheskoe izdatel'stvo Publ., 1923. 416 p.
23. Stetsovskii Yu.I. *Sudebnaya vlast'* [The Judicial Power]. Moscow, Delo Publ., 1999. 400 p.
24. Zaitsev O.A., Abshilava G.V. Convergence of private and public laws and its manifestation in criminal court procedures. In Golubtsov V.G., Kuznetsova O.A. (eds). *Pyatyi Permskii kongress uchenykh-yuristov (Perm, 24–25 oktyabrya 2014 g.). Izbrannye materialy* [The Fifth Perm Congress of Legal Scholars (Perm, October 24–25, 2014). Selected Materials]. Moscow, Statut Publ., 2015, pp. 350–360. (In Russian).
25. Sheli Dzh.F. (ed.). *Kriminologiya* [Criminology]. Saint Petersburg, Piter Publ., 2003. 864 p.
26. Hawdon J., Ryan J. Social Capital, Social Control, and Changes in victimization rates. *Crime and Delinquency*, 2009, no. 4, pp. 526–549.
27. Gutsenko K.F., Golovko L.V., Filimonov B.A. *Ugolovnyi protsess zapadnykh gosudarstv* [Criminal Process in Western Countries]. Moscow, Zertsalo-M Publ., 2001. 480 p.
28. Inchauspe D. *L'innocence judiciaire*. Paris, PUF, 2012. 467 p.
29. Kitai R. Presuming innocence. *Oklahoma Law Review*, 2002, vol. 55, no. 2, pp. 280–284.
30. Sukharev A.Ya. Human rights in Russia and human rights protection work (to the 40th anniversary of the Research Institute of Prosecutor General's Office). In Lopatin V.I. (ed.). *Prava cheloveka v Rossii i pravozashchitnaya deyatel'nost' gosudarstva. Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, 12 maya 2003 g.* [Human Rights in Russia and Human Rights Protection Work of the State. Materials of All-Russian Research Conference, May 12, 2003]. Saint Petersburg, Yuridicheskii tsentr Press Publ., 2003, pp. 7–12. (In Russian).
31. Luneev V.V. Problems of Russian criminal law legislation. Pt. 1. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra = Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*, 2013, no. 2, pp. 48–59. (In Russian).
32. Luneev V.V. Theories of law and criminal life. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra = Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*, 2015, no. 1, pp. 26–35. (In Russian).
33. Sinel'shchikov Yu.P. Criminal procedure code of the Russian Federation — first results of enforcement and protection of human rights in Moscow. In Lopatin V.I. (ed.). *Prava cheloveka v Rossii i pravozashchitnaya deyatel'nost' gosudarstva. Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, 12 maya 2003 g.* [Human Rights in Russia and Human Rights Protection Work of the State. Materials of All-Russian Research Conference, May 12, 2003]. Saint Petersburg, Yuridicheskii tsentr Press Publ., 2003, pp. 196–200. (In Russian).
34. Korobeev A.I. Criminal policy of contemporary Russia: condition and prospects. *Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii = Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation*, 2016, no. 3 (28), pp. 138–148. (In Russian).
35. Mel'nikov E.A. Key problems in the sphere of criminal policy. *Zakon*, 2015, no. 8, pp. 72–80. (In Russian).
36. Gulyaev A.P. Goals, tasks and principles as fundamentals of criminal procedure law: in law, theory and practice. *Rossiiskii sledovatel' = Russian Investigator*, 2012, no. 16, pp. 5–18. (In Russian).
37. Bazhanov S.V. The cost of a criminal process. *Rossiiskii sledovatel' = Russian Investigator*, 2012, no. 9, pp. 16–19. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Степаненко Диана Аркадьевна — профессор кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики Восточно-Сибирского филиала Российского государственного университета правосудия, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Иркутского национально-исследовательского технического университета, доктор юридических наук, профессор, г. Иркутск, Российская Федерация; e-mail: diana-stepanenko@mail.ru.

Лавдаренко Людмила Ивановна — доцент кафедры организации и методики уголовного преследования Иркутского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент, г. Иркутск, Российская Федерация; e-mail: lavdarenko@mail.ru.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Степаненко Д.А. К вопросу о векторе развития российского уголовного судопроизводства / Д.А. Степаненко, Л.И. Лавдаренко // Всероссийский криминологический журнал. — 2017. — Т. 11, № 2. — С. 388–397. — DOI: 10.17150/2500-4255.2017.11(2).388-397.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Stepanenko, Diana A. — Professor, Chair of Criminal Procedural Law and Criminalistics, East-Siberian Branch of Russian State University of Justice, Professor, Chair of Criminal Law Disciplines, Irkutsk National Research Technical University, Doctor of Law, Professor, Irkutsk, the Russian Federation; e-mail: diana-stepanenko@mail.ru.

Lavdarenko, Lyudmila I. — Ass. Professor, Chair of the Organization and Methods of Criminal Prosecution, Irkutsk Law Institute affiliated to the Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation, Ph.D. in Law, Ass. Professor, Irkutsk, the Russian Federation; e-mail: lavdarenko@mail.ru.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Stepanenko D.A., Lavdarenko L.I. To the issue of direction for the development of Russian criminal procedure. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2017, vol. 11, no. 2, pp. 388–397. DOI: 10.17150/2500-4255.2017.11(2).388-397. (In Russian).